Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 8 (514). С. 20–28.
Bulletin of Chelyabinsk State University. 2026;(8(514):20-28.

Научная статья
УДК 101.1
doi: 10.47475/1994-2796-2026-514-8-20-28

ДИАЛЕКТИКА ИСТОРИЧЕСКОГО И ЛОГИЧЕСКОГО В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Альфия Янаховна Камалетдинова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, allakamaletdinova@rambler.ru, 0000-0001-9631-620X

Аннотация. Обращение к диалектике исторического и логического обусловлено желанием концептуально обосновать основные положения всемирной истории развития в интерпретации К. Маркса. Всемирное развитие человечества представлено у немецкого мыслителя предысторией, в границах которой живем в настоящее время, и историей, образ которой может быть представлен прогностически. Эмпирически описывая предысторию (исторический анализ), используем цивилизационный подход, оперируя единичным и особенным. Моделируя стратегию развития человечества, выстраиваем логический конструкт истории. В теоретическом исследовании опираемся на формационный подход, раскрывающий закономерности становления на уровне общего и всеобщего. Реалии современного мира неизбежно приводят к необходимости диалектического единства формационно-цивилизационного подхода в определении стратегии развития. Исторический анализ может помочь в решении тактических задач; подняться до высот генерирования стратегии всемирного развития возможно, только прибегнув к логическому анализу.

Ключевые слова: история, предыстория, формация, исторический анализ и логический конструкт, развитие

Для цитирования: Камалетдинова А. Я. Диалектика исторического и логического в контексте развития общества // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 8 (514). С. 20–28. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-514-8-20-28.

Original article

THE DIALECTIC OF THE HISTORICAL AND THE LOGICAL IN THE CONTEXT OF SOCIETAL DEVELOPMENT

Alfiya Ya. Kamaletdinova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, allakamaletdinova@rambler.ru, 0000-0001-9631-620X

Abstract. The focus on the dialectic of the historical and the logical is driven by the desire to conceptually substantiate the main provisions of the world history of development in K. Marx's interpretation. For the German thinker, the world development of humanity is represented by prehistory, within the boundaries of which we live in the present, and history, the image of which can be presented in a predictive manner. By empirically describing prehistory (historical analysis), we use a civilizational approach, оперируя with the unique and the particular. By modeling the strategy of human development, we construct a logical construct of history. In our theoretical study, we rely on the formation approach, which reveals the patterns of development at the level of the general and universal. The realities of the modern world inevitably lead to the need for a dialectical unity of the formation and civilization approaches in defining a development strategy. Historical analysis can help solve tactical tasks; it is only possible to rise to the heights of generating a strategy for global development.

Keywords: history, prehistory, formation, historical analysis and logical construct, development

For citation: Kamaletdinova AYa. The Dialectic of the Historical and the Logical in the Context of Societal Development. *Bulletin of Chelyabinsk State University.* 2026;(8(514):20-28. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-514-8-20-28.

Постановка проблемы. Историческая эволюция человечества выступает как сложнейший диалектический процесс, в котором тесно переплетаются внутренние противоречия, закономерности развития и логическая структура смены формаций. В рамках марксистской диалектики развитие общества предстает не как случайное

© Камалетдинова А. Я., 2026

или произвольное движение, а как результат внутренне обусловленных процессов, отражающих законы внутреннего противоречия, переходящие в конкретные формы социально-экономических и политических изменений.

Диалектика исторического и логического — это ключевые категории, позволяющие понять механизмы исторического развития, выявить их внутренние связи, определить закономерности возникновения и смены общественных формаций. Заявленная тема чрезвычайно актуальна, поскольку гарантирует не только углубленное понимание прошлого, но и приобретает важнейшее практическое значение в прогнозировании будущих изменений, а также в практике научного анализа исторического процесса.

Цель данной статьи — выполнить системный анализ диалектики исторического и логического в рамках концепции смены общественных формаций, выявить их взаимосвязи, внутренние противоречия и динамику развития, рассматривая при этом как внутренние движущие силы, так и внешние факторы, воздействующие на ход исторического процесса.

Концепция предыстории — истории. Немецкий мыслитель К. Маркс является центральной фигурой в истории философии; его идеи о делении всемирной истории на предысторию и историю заложили основы для понимания поступательного развития человечества, раскрытия сущности социально-экономических процессов. Предполагаем, что концепции предыстории и истории в учении К. Маркса необходимо дать глубокий научный анализ, чтобы иметь возможность прогнозирования её влияния на современную философскую мысль. Рассмотрим, как соотносятся понятия «предыстория» и «история» друг с другом и какие социально-экономические процессы определяют их границы. «...Человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые *оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда* оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления» [2, с. 7].

В работе «Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (новая публикация первой главы «Немецкой идеологии» // Полное собрание сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса)» отсутствует фрагмент текста, который нам кажется очень интересным для понимания. «Мы знаем только *одну единственную науку, науку истории*. Историю можно рассматривать с двух сторон, ее можно разделить *на историю природы и историю людей...* История природы, так называемое естествознание, нас здесь не касается; *историей же людей нам придется заняться,* так как почти вся идеология сводится либо к превратному пониманию этой истории, либо к полному отвлечению от нее». [2, с. 19–20].

К. Маркс декларирует материалистическое понимание истории в отличие от традиционного, сложившегося к тому времени философского толкования, которое чаще всего является историей древней философии, что он считал «спекуляцией». В историческом анализе он предложил не подгонять отдельные или даже сумму единичных явлений под общий закон, а акцентировать внимание на уникальности каждого исторического феномена, обогащающего «цветущую сложность». Таким образом, развитие всемирной истории определяется не столько естественными законами или философскими (спекулятивными), сколько естественно-историческими закономерностями соотнесения производительных сил и производственных отношений.

Предпосылки общественного развития. Известнейший российский философ В. М. Межуев, обращаясь к наследию К. Маркса, акцентировал внимание на зависимости уровня общественного сознания от степени развития производительных сил. Актуальным вопросом становится проблема осознания сущности общественного бытия. Таким образом, сущность человека К. Маркс рассматривает через целесообразную общественно-преобразующую деятельность. В. М. Межуев отметил отличительную особенность подхода основоположника марксизма к рассмотрению общественного бытия, в его незавершенности и постоянном движении, т. е. в потенциале развития. Динамику развития можно рассмотреть только с опорой на предпосылки (факты действительности). К таковым предпосылкам К. Маркс и Ф. Энгельс отнесли реальных ***представителей*** конкретного общества, их общественное ***сознание и деятельность, материально-экономические условия*** их бытия.

Проблеме труда как первой предпосылке социального развития К. Маркс уделил достаточное внимание в теории труда. В фокусе рассмотрения — только тот труд, который направлен не только на удовлетворение частных потребностей, но и на удовлетворение общественных потребностей, что становится первой предпосылкой социального развития. Реализуя общественно полезный труд, индивид дополнительно закладывает основы межличностных отношений: общественный труд — общественные отношения.

Итак, К. Маркс выделяет следующие предпосылки: ***труд*** (экономические предпосылки), а на его основе — ***общение и сознание***. Экономические предпосылки относятся к базисным, однако опираться в прогнозировании или определении стратегии развития только на них недостаточно; на это более 150 лет назад обращал внимание К. Маркс.

В нашей стране в XX в. превалировало «классическое изложение материалистического понимания истории. Нет смысла излагать его целиком, но *положение о том, что способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще,* что не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, общественное бытие определяет их сознание, считалось сутью этого понимания. Такого же мнения придерживался и Ф. Энгельс, назвавший данное положение революционным открытием не только для политической экономии, но и для всех исторических наук. Но является ли способ производства материальной жизни в любом случае экономической категорией?» [5, с. 11]. В. М. Межуев задает правильный вопрос: можем ли мы рассматривать способ производства только как экономическую категорию? Здесь необходимо сделать некую поправку: способ производства является основной категорией в политической экономике, ставшей определяющим методологическим подходом в исследовании буржуазной (капиталистической) формации.

Невозможно себе представить, что в процессе трудовой деятельности индивид не мыслит, не представляет себе результат своей деятельности в виде конечного продукта. Думается, интерпретаторы К. Маркса не совсем объективно акцентировали внимание только на положении обоснования общественного сознания бытием. Да и анализ буржуазной общественно-экономической формации сводить только к определяющей роли материальной стороны бытия не совсем корректно. Сознание — это вторая предпосылка социального развития.

Общественные отношения — это третья предпосылка. По К. Марксу, её можно рассмотреть более детально в период «вещной зависимости». Выделение во всемирной истории трех формаций позволяет исследователям вслед за К. Марксом детально рассмотреть природу зависимости, которая будет определять качество общественных отношений.

Размышления В. М. Межуева позволили сформулировать в качестве рабочей версии, что в эволюционном процессе приоритетной оказывается третья предпосылка — «производство общественных отношений».

Наиболее полно историко-материалистическая гипотеза К. Маркса представлена в «Капитале», в котором детально обоснован научный метод рассмотрения истории развития человечества. Рассматривая социальное развитие, мыслитель опирается на эмпирическое исследование прошлого (исторический анализ), акцентируя внимание на тенденции изменения настоящего, прогнозируя потенциал будущего. Здесь необходимо уточнить, что все рассуждения касаются одной буржуазной формации, в которой, согласно закону отрицания отрицания, условия производства нацелены на устранение производительных сил в погоне за обновлением и производственных отношений как несоответствующих реалиям действительности.

Социально-гуманитарные исследования современности очень часто при историческом рассмотрении конкретного общества или определенной эпохи, полностью погружаясь в фактологический материал, пренебрегают логическим анализом, что не способствует объективному научно-историческому анализу. Иногда же с идеальных отвлеченных позиций начинают оценивать действительность, пренебрегая учетом конкретных материальных условий и фактов. Прекрасно это сформулировано в высказывании В. М. Межуева: «...историческое рассмотрение объекта вне логического анализа сводит его либо к эмпирической фиксации его разных состояний без какой-либо их внутренней связи и последовательности, либо к оценке и критике этого объекта с позиции некоторого отвлеченного идеала» [5, с. 14].

Следует принять во внимание, что в научной традиции сформировалось устойчивое заблуждение о критическом рассмотрении К. Марксом современной ему буржуазно-капиталистической действительности. На самом деле в его трудах присутствует критический анализ современной ему экономической теории с применением научно-исторического метода. К. Маркс пытается говорить на языке науки, который он называет языком практики. Избавляемся от заблуждения, что великий мыслитель дал нам экономический анализ буржуазно-капиталистической общественно-экономической формации. В. М. Межуев в очень значимой для современного понимания наследия К. Маркса статье «Идея всемирной истории в учении Карла Маркса», будучи одним из немногих, талантливо отметил, что немецкий мыслитель является автором практического материализма, а не экономического.

Не столько производство вещей в центре исследования К. Маркса, сколько ***складывающиеся и постоянно меняющиеся общественные***

отношения в ходе производства, обмена, распределения и потребления этих вещей. К. Маркс совсем нетрадиционно взглянул на природу общественного труда, обеспечивающего средствами существования членов общества на протяжении веков. Сущностью общественного труда стал процесс формирования социальных отношений, базирующихся на экономических отношениях: производства, обмена, торговли и потребления. Те единичные связи, складывающиеся в ходе экономических отношений между конкретными людьми, возвышаются до уровня абстрактно-всеобщего, т. е. устанавливаются социальные отношения на уровне общего и всеобщего. От единично-конкретных связей, например, между «портным» и «ткачом», устанавливаются устойчивые закономерные взаимосвязи между представителями разных сословий, которые затем будут названы сословными или классовыми отношениями.

Творя в ходе общественного труда социальные отношения, индивид как хозяйствующий субъект попадает под влияние устоявшихся социально-экономических отношений, становясь песчинкой в море социальных взаимосвязей. Таким образом раскрывается сущность «отчуждения труда». Темы практики и отчуждения труда становятся ведущими в научно-историческом методе К. Маркса. В рассмотрении истории центральное место принадлежит человеку и обществу. В реальности на протяжении всех рассматриваемых эпох человек раздираем противоречиями: на практике (производственные отношения) человеку принадлежит центральная роль. Постоянно развивающиеся производительные силы порождают производственные отношения, сутью которых является отчуждение труда, ставящее человека в подневольное положение. Социальная природа человека в классической философии рассматривалась несколько в идеализированном виде, во многом определяемом главенствующей идеологией или научной теорией. Можно сравнить учение К. Маркса с гегелевской «Философией истории».

Российский философ В. М. Межуев талантливо интерпретировал научно-исторический метод К. Маркса, увидев в теории общественной практики интерпретацию истории, а в теории отчуждения труда — природу общества. В общепринятой интерпретации было определено как закон социального развития: противоречие между производительными силами и производственными отношениями. Заблуждением последователей любой теории социального развития в действительности является осознание совершенства или идеальности того или иного состояния, взятого ими в статике. Они как бы не принимали во внимание постоянное поступательное движение социального института, каковым могут выступать общество, государство и т. д. Одним из ведущих признаков любой социальной системы является её динамика и открытость. Таким образом, любой уровень, ступень, состояние, через которые мы рассматриваем человечество, общество, государство, мы должны рассматривать в постоянной динамике и предполагать изменения.

Коммунизм как стадия развития рассматривается К. Марксом и Ф. Энгельсом несколько идеализировано, т. к. эмпирического анализа рассматриваемого состояния не могло быть, то наши мыслители считали, что производительные силы той формации смогут обеспечить раскрепощение пролетария и в идеале установятся некие социальные отношения, в которых свободное развитие индивида будет обеспечено. Высказывания К. Маркса полны конкретной привязкой к той или иной общественно-экономической формации, однако надо принять во внимание глубину его мыслей. Он рассматривал существование человека в мировой истории, а не применительно к изменчивым формациям.

Абстракция или логический конструкт позволяет ученому систематизировать или классифицировать богатейший и разнообразный эмпирический материал. Конечно, логическая схема не может опираться на эмпирический опыт, а всего лишь конструирует схему на основе учета многообразия предпосылок. Однако поступательное движение вперед невозможно без прогнозирования. Философия оставляет за собой право не выписывать рецепт исправления, а определить направление развития.

Формационная теория К. Маркса. Формационную теорию К. Маркс не предлагал использовать как панацею от всех бед. Посредством формационной теории он дал глубочайший и, пожалуй, самый полный анализ буржуазно-капиталистической формации, акцентируя внимание на противоречии между производительными силами и производственными отношениями. Представляют интерес наброски письма к В. Засулич, в которых, как нам кажется, К. Маркс представил аргументированное обоснование формационной теории. Воспользуемся выдержками из письма, т. к. лучше К. Маркса не скажешь.

«Историю разложения первобытных общин <…> еще предстоит написать. До сих пор мы имели только скудные наброски. Во всяком случае, исследование предмета продвинулось достаточно далеко, чтобы можно было утверждать:

1) что жизнеспособность первобытных общин была неизмеримо выше жизнеспособности семитских, греческих, римских и прочих обществ, а тем более жизнеспособности современных капиталистических обществ; 2) что ***причины их распада вытекают из экономических данных,*** которые мешали им пройти известную ступень развития...» [4, с. 402].

«Я показал в «Капитале», что превращение феодального производства в производство капиталистическое имело отправным пунктом экспроприацию производителя, и в особенности, что «основой всего этого процесса является экспроприация землевладельцев» (стр. 315 французского издания). И я там продолжаю: «Радикально она (экспроприация землевладельцев) осуществлена пока только в Англии... Все другие страны Западной Европы идут по тому же пути» (там же). Стало быть, я точно ограничил эту «историческую неизбежность» «странами Западной Европы». Чтобы не оставить никакого сомнения относительно моей мысли, я говорю на странице 341: «*Частная собственность, как противоположность общественной, коллективной собственности,* существует лишь там, где ... внешние условия труда принадлежат частным лицам. Но в зависимости от того, ***являются ли эти частные лица работниками или не работниками, изменяется форма частной собственности»*** [4, с. 411].

«Прежде всего в Западной Европ, смерть общинного землевладения и рождение капиталистического производства отделены друг от друга громадным промежутком времени, охватывающим целый ***ряд последовательных экономических революций и эволюций,*** из которых капиталистическое производство является лишь наиболее близкой к нам. С одной стороны, оно чудесным образом ***развило общественные производительные силы,*** но, с другой стороны, оно ***оказалось несовместимым с теми самыми силами,*** которые оно порождает. Его история есть отныне лишь ***история антагонизмов, кризисов, конфликтов, бедствий***» [4, с. 412].

И наконец, «***Не все*** первобытные общины ***построены по одному и тому же образцу***. Наоборот, они ***представляют собой ряд социальных образований,*** отличающихся друг от друга и по типу, и по давности своего существования, и ***обозначающих фазы последовательной эволюции***» [4, с. 417] (выделено нами).

Неслучайно в бытовом понимании К. Маркс очень часто ассоциировался у обывателей с экономистом, а не философом. Не избежали этого заблуждения и некоторые исследователи, видевшие в его теории только акцентуализацию экономических отношений в становлении и поступательном развитии общества.

Для Маркса противоречие производительных сил и производственных отношений помогло выстроить историческую логику становления социальных отношений, которые он ни в коей мере не сводил только к экономическим вопросам. Он уже в «Немецкой идеологии» отдавал должное духовной составляющей наряду с материальной. Особое внимание К. Маркс уделил форме «русской сельской общины», в которой он предвидел возможность расцвета «архаической формы собственности» в современных условиях [4]. В каком виде в конце XIX в. предстала русская «сельская община»? В ней было представлено единство общей и парцеллярной собственности. Общая собственность на земли коллективного использования (пастбища, лес и т. д.) стала основой для коллективного производства и присвоения продукта, полученного на этих землях. Сохранилась традиционная форма артельного решения задач общины при строительстве зданий общего пользования, осушении болот, культивации неудобий и др. При этом существовала еще и парцеллярная собственность. В условиях единства общей (коллективной) и парцеллярной (частной) собственности, если бы не эксплуатация со стороны государства, возможно, в России сложилась бы некая иная форма собственности еще в XIX в. Он рассматривал процесс перехода от парцеллярного к коллективному хозяйству. Для этого были необходимы экономическая потребность в прогрессивных изменениях и сложившиеся материальные условия.

К моменту реформирования 60-х гг. XIX в. в России сложились исключительные условия для русской сельской общины: были возможности для осуществления коллективного труда на землях, относящихся к общей собственности, сформирована и традиционно закреплена артельная (коллективная) форма труда, а также элементы коллективного присвоения результатов труда. Для XIX в. коллективное производство и коллективное присвоение — это поиски новых форм исторического развития. Однако механизм раскрепощения русского крестьянства со стороны государства поставил сельскую общину в еще более угнетенное и ужасное положение. «...***Русская община*** поставлена была государством в ненормальные экономические условия, и с тех пор оно не переставало угнетать её с помощью сосредоточенных в его руках общественных сил. Обессиленная его фискальными вымогательствами, оказавшаяся беспомощной,

она ***стала объектом эксплуатации со стороны торговца, помещика, ростовщика***» [4, с. 408].

Это не позволило проявиться «высшей форме» архаического типа сельского общества. Нам кажется, такой принцип прослеживался в России в вульгарно искаженной программе коллективизации. Государство Российской империи выступило эксплуататором русского крестьянства в условиях капиталистической формаци, разделив все крестьянство на средний класс и сельский пролетариат. Именно в России, начиная с XIX в., исторически сложились условия и возможности для замены капиталистического производства кооперативным и формирования коммунистической собственности вместо капиталистической, т. к. только в нашей стране «общинное землевладение сохранилось в широком национальном масштабе». «Собственность на землю общая, но каждый крестьянин, подобно мелкому западному крестьянину, обрабатывает свое поле своими собственными силами. Общинная собственность, парцеллярная обработка земли — это сочетание, полезное в эпохи более отдаленные, становится опасным в наше время. С одной стороны, движимое имущество, элемент, играющий все более и более важную роль в самом земледелии, все сильнее дифференцирует имущественное положение членов общины и вызывает в ней, особенно под фискальным давлением государства, борьбу интересов; с другой стороны, утрачивается экономическое преимущество общинного землевладения как базы кооперативного и согласованного труда» [4, с. 414].

К. Маркс, рассматривая конкретный пример — современное состояние «русской сельской общины», по существу наметил идеальное сопряжение интересов индивида и сообщества посредством соотнесения парцеллярной и общей собственности.

Необходимо уточнить, что понимал К. Маркс под общественно-экономической формацией, её структурой и механизмом трансформации. Именно для характеристики капиталистического периода в научной литературе появилось уточнение общественной формации экономической составляющей. На практике научная мысль XIX–XX вв. хотела показать преимущество европейской общественно-экономической формации, соответствующей капиталистическому периоду. После К. Маркса противоречия между разными ступенями поступательного развития человечества мыслители рассматривали как: сопряжение механической и органической солидарности (Э. Дюркгейм); формальной и материальной рациональности (М. Вебер); Запада и Востока и др. У К. Маркса это первичная и вторичная формации. Главным признаком вторичной (буржуазно-капиталистической) формации выступает приоритет экономических отношений перед политико-правовыми. Причем экономические отношения становятся базисом на стадии капитализма; глубокому рассмотрению именно этой формации и посвятил К. Маркс свой основной труд — «Капитал». Необоснованно преувеличенная роль экономики в капиталистической общественно-экономической формации является показателем незрелости, не прогрессивного развития, а скорее всего, регресса. В рамках вторичной формации государство, общество и отдельный человек преимущественно забывают о духовно-нравственной составляющей поступательного движения человечества.

Что объединяет, по К. Марксу, первичную и вторичную формации? Феномен несвободы: в первичной общественной формации человек зависим от рода, племени, общества; во вторичной индивид зависим от «вещи» (товара). Но в обеих формациях человек несвободен, закабален, а, следовательно, он живет в предыстории. История начнется, когда «...приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» (Манифест Коммунистической партии). Выход из экономической зависимости в общественное состояние — это тенденция развития истории человечества.

Причем мы должны быть предельно точными в толковании и понимании терминов «экономическая» и «хозяйственная». Отдельные исследователи общественно-экономической формацией называют и феодальную, и рабовладельческую, потому что к экономической деятельности они относят и собирательство, и рыболовство, и охоту. Если мы вспомним Л. Г. Моргана и Ф. Энгельса, то эти виды хозяйственной деятельности обеспечивали человечество средствами существования. Экономическая деятельность характеризуется в первую очередь сформировавшимися товарно-денежными отношениями, «вещными», когда «вещь» заслоняет человека, «на место человека встает вещь».

От хозяйственной деятельности по добыванию средств существования человечество не будет избавлено никогда. Освободиться от «вещной» (экономической, сводимой к товарно-денежным отношениям) зависимости, где человек выступает товаром, возможно, как считал К. Маркс, когда труд перестанет существовать в «отчужденной» форме. В идеале акцент в общественном производстве будет смещен с производства «вещей» на производство людей. Вспомним анализ К. Маркса, данный русской «сельской общине».

По его мнению, у сельской общины были все возможности представить человечеству некую новую форму сопряжения общей (коллективной) и частной собственности и соотношения индивидуальной и коллективной (кооперативной) деятельности. Однако К. Маркс еще в 1881 г. отметил, что в условиях сформировавшейся в странах Европы капиталистической действительности государственная машина Российской империи, мягко говоря, оказалась несостоятельна. Российское государство и общество обязаны сельской общине, которая обеспечивала материальное благополучие страны и была охранительницей духовной составляющей общества.

К. Маркс прогнозирует, что в перспективе социального развития человечество когда-то дойдет до освобожденного труда, целью которого будет создание новых социальных отношений, формирующих свободную творческую личность. Свободное развитие общества со свободной творческой личностью возможны только при определенном уровне материального обеспечения.

Третичная формация К. Маркса знаменует собой историю человечества. Критерием перехода от одной общественной формации к другой выступает свобода. К. Маркс гениально предположил, что в историческом развитии человечество движется, по большому счету, к свободе, а не к пресловутой власти над людьми, накоплению и потреблению. Российский философ В. М. Межуев потрясающе это сформулировал: «**История обретения человеком индивидуальной свободы** и есть, согласно Марксу, единственно разумное объяснение того, **чем является мировая история** по своей сути и смыслу» [5, с. 23]. Лучше не скажешь.

Таким образом, в период первичной и вторичной формаций человек находится в зависимом состоянии, но на завершающей фазе вторичной формации уже создаются предпосылки раскрепощения индивида, чему мы находим подтверждение в обновленной России. Человек, являющийся генеральной целью истории, не был свободным ни от племени, рода, общества, ни в условиях капиталистической (вторичной) формации от «вещи» и потребления. Эмпирический анализ любого государства, общества и эпох, к сожалению, не предоставил нам образец раскрепощенного человека и свободного общества, следовательно, пока мы живем в период предыстории. Человек для обретения свободы, проявления «родовой сущности» должен был пройти длительный путь создания тех общественных условий, которые создают самого человека.

К. Маркс считал, что общественные отношения буржуазно-капиталистического-империалистического общества наиболее развиты и являются результатом предыстории.

Анализируя вторичную формацию (природу буржуазно-капиталистической общественно-экономической формации), К. Маркс декларирует, что общественные отношения — это не продукт закономерностей естественной природы, а результат деятельности индивидов, т. е. общественной деятельности, которая на тот момент не была совершенной (идеальной). Это позволяет нам развить тезис мыслителя, что для прогнозирования будущего социального развития общества надо опираться не только на эмпирический анализ истории, а моделировать логический конструкт, предлагая иные системы, подходы, методы, возможные в потенциале развития.

Зададимся вопросом, почему В. М. Межуев относит общественные отношения (вещная зависимость) буржуазно-капиталистической эпохи к всеобщим, а не общим? Общественные отношения этого периода выступают инструментом внешней зависимости индивида от социально-экономических условий. Если в первичной формации человек принадлежал роду, племени и зависел от него, то во вторичной формации он, освободившись от родовой зависимости, попадает в зависимость от материальных, социально-экономических условий. Следовательно, в первичной и вторичной формации человек несвободен, зависим, а критерием исторического развития выступает свобода от общества и от вещей (материальной зависимости).

В процессе прогрессивного движения вперед, перехода от одной формации к другой, индивид отказывается от коллективных условий проживания в архаическом обществе, происходит атомизация, оборачивающаяся для человека отчуждением и изоляцией. В этот период человек и общество, индивидуальное и социальное находятся в противостоянии. Крайняя атомизация во вторичной формации, обособляя человека, низводит его до единичности, частности, отчуждения, делая его «абстрактным индивидом». Жизнь социума также утрачивает характер коллективности (кооперативности), о которой К. Маркс говорил как о возможности, одной из вариативных форм развития общества, к сожалению, нереализованной в России.

Цивилизация, по мнению К. Маркса, связана с процессом разделения труда, закрепившим отчуждение человека в обществе, представив его как частное лицо. Культура рассматривает человека как индивидуальность, как гармоничную целостность. Таким образом, цивилизация и общественные формации являются продуктом

предыстории. В «Критике политической экономии» К. Маркс высказал, что «буржуазной формацией» завершается предыстория. Если развить это положение, то к концу предыстории вместе с общественно-экономическими формациями должны прийти к концу и цивилизации. Более того, в развитие мысли немецкого мыслителя приходим к логическому выводу, что общественные формации и цивилизации — феномены одного уровня. Однако К. Маркс говорил о упадке «буржуазной формации» (такова была действительность), которая затем представлена как «буржуазно-капиталистическая-империалистическая» (три фазы).

Уникальным признаком третичной формации заявлена свободная человеческая индивидуальность, данная в развитии, и общественная деятельность как общественное достояние.

Как сопрягаются формации и цивилизации? Что такое обобществившееся человечество? Само буржуазное общество не может претендовать на всеобщность, тем не менее вместе с распространением буржуазных отношений воцарилось мнение, что это идеальная и наиболее совершенная форма организации человеческого социума. Претензии на универсальность у буржуазной общественно-экономической формации или романо-германской цивилизации не обоснованы, чему нашлось подтверждение в практике социального развития XX и начала XXI вв.

Всемирно-историческое значение капитализма бесспорно и общепринято; дополнительно к этому многими исследователями была высказана мысль о его «цивилизующем» влиянии на государства. Под цивилизующим влиянием подразумевается, по-видимому, качественное возвышение от прошлого к будущему. Капиталистические общественные отношения во второй половине и в конце XX в. наиболее современны и совершенны, поэтому в них видится преобразующая роль. Получается, более углубленно о цивилизациях начинают говорить в XIX в. вместе с устоявшимися и постоянно совершенствующимися социальными отношениями в рамках общественных формаций. Однако не надо сбрасывать со счетов, о чем мы говорили ранее, момент отчуждения и разобщения человека в капиталистических условиях. Тогда в чем идея совершенствования и возвышения, если человек не выступает как свободная творческая целостная индивидуальность? Предполагалось, что в условиях капитализма реализуются социально-экономические условия, способствующие объединению членов общества, государств и регионов. Однако материальные условия (абстрактно-всеобщее) были налицо, а реальное объединение не состоялось; наоборот, налицо разобщение государств и разделение регионов. Более того, в действительности капиталистическое общество не всегда выступает универсальным, хотя усилиями идеологов таковым позиционируется.

Свобода как главное условие всемирной истории не реализуется в первичной и вторичной формациях, и только в третичной формации она становится необходимым условием её осуществления. Человек проявляется как социальное существо не в рамках рабочего времени, а в свободное время, когда ему предоставлена возможность свободного самостоятельного выбора.

Думается, необходимо отказаться от ручного труда, закабаляющего человека и направленного на получение прибыли. Детальный анализ приводит нас к заключению, что труд трактуется Х. Арендт не совсем корректно. Если обратимся к первоисточнику, то увидим, что она рассматривает конкретный труд, направленный на производство средств существования, — труд, при котором человек не оторван от конечного продукта и не лишен функции производителя.

При всем своем размахе марксово творчество завершается в конце концов невыносимой *«альтернативой между производительным рабством и непроизводительной свободой»* [1, с. 134]. Эта цитата подтверждает, что **сущность труда** Х. Арендт интерпретирует не совсем корректно, что приводит к необоснованным выводам. «Если *труд на себя,* с ее точки зрения, будучи сферой человеческой приватности и даже интимности (подобно всем другим функциям его тела), *является необходимым условием человеческого существования*, то *труд на других* является *принудительным трудом*, примером чему служит *рабский и даже наемный труд*» [5, с. 34]. Спорный посыл: нет понимания сущности «труда». Весь смысл — в делении на абстрактный труд и конкретный.

Нам представляется, что это спорное утверждение: труд как таковой вбирает в себя разные виды деятельности. Человек — деятельное существо. В. Межуев также не в полной мере согласен с тезисами Х. Арендт. Он правильно толкует сущность труда. Высвобождение свободного времени направляется на создание условий для развития и становления «свободного человека». Высвобождение свободного времени направляется на совершенствование человека (духовное, интеллектуальное), создание человека, его возвышение от индивида до индивидуальности. Человек захвачен трудом, направленным не только на потребление, но и на создание смыслов и межличностное общение. Для третичной формации такой подход может стать раскрытием сущности

свободного времени, свободного труда и свободного человека, в конечном счете — целью всемирной истории. «Поэтому буржуазной общественной формацией завершается **предыстория** человеческого общества» [3, с. 8].

Заключение. Диалектика исторического и логического — это не просто философская категория, а практический инструмент анализа развития общества. Закон внутреннего противоречия и его проявление в форме кризисов, революций и качественных скачков составляет ядро этой диалектики. Реализация логической схемы смены формаций в истории подтверждается многовековыми примерами, раскрывающими единство внутренней логики и внешней исторической судьбы.

Понимание этой взаимосвязи позволяет научно осмысливать процессы прошлого, давать обоснованные прогнозы и разрабатывать эффективные стратегии развития современного общества.

Список источников

1. Арендт Х. Vita activa, или о деятельной жизни. СПб., 2000.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений (новая публикация первой главы «Немецкой идеологии»). М., 1966. С. 19–20.
3. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Издание второе. М. : Государственное издательство политической литера туры, 1959. Т. 13. С. 1–167.
4. Маркс К. Наброски ответа на письмо В. И. Засулич // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Издание второе. М. : Государственное издательство политической литературы, 1961. Т. 19. С. 400–421.
5. Межуев В. М. Идея всемирной истории в учении Карла Маркса // Логос. 2011. 2 (81). С. 3–36.

Информация об авторе

А. Я. Камалетдинова — кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии.

Information about the author

A. Ya. Kamaletdinova — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy.

Статья поступила в редакцию 05.07.2026; одобрена после рецензирования 31.08.2026; принята к публикации 31.08.2026.

The article was submitted 0e.07.2026; approved after reviewing 31.08.2026; accepted for publication 31.08.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.